

XXXVII г.

№ 32

Выданъ 12-го августа 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 28.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. П. Печковской,
Петропавловскій
двѣр.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„Образованіе“,
Рашельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р.

„Маленькая“.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Время шло, а ничего *оттуда* не было слышно, никто не появлялся *оттуда*, чтобы сообщить ей, скоро ли будутъ переезжать въ новое помѣщеніе, скоро ли кончится ея ссылка.

Впрочемъ, какъ-то разъ въ праздникъ нѣсколько мастерицъ зашли къ ней звать ее въ какой-то маскарадъ. Она страшно обрадовалась имъ.

Одна изъ нихъ была Анюта, та самая, которая когда-то, въ день поступления Маринки въ мастерскую, показывала ей комнату. Съ Анютой она была дружна, онѣ вмѣстѣ дѣлали свою карьеру.

Она выросла ужасно большая и какая-то нелѣпая по сложенію, но это ничему не мѣшало, потому что лицо у нея было красивое. Къ Маринкѣ Анюта питала какое-то благоговѣніе. Она уважала ея талантъ.

Маринка, конечно, начала разспрашивать ихъ о томъ, что дѣлается въ магазинѣ. Но онѣ знали только, что дѣлалось въ мастерской, а о магазинѣ ничего не знали. Ихъ туда не впускали. Тамъ требовалось быть прилично одѣтыми, а онѣ были всегда въ затрапезныхъ платьяхъ. Кромѣ того, тамъ имъ и дѣлать было нечего: онѣ не умѣли примѣрять.

Соединительнымъ звеномъ между магазиномъ и мастерской была мадамъ Квиссо, но она по всѣмъ щекотливымъ вопросамъ была молчалива, какъ могила. Къ чести ея надо сказать, что ей быть совершенно несвойственъ обычный недостатокъ женщинъ: она не умѣла сплетничать. Сама она ничего не сообщала, а разспрашивать ее, конечно, не смѣли.

Были, правда, какіе-то темные слухи, неизвѣстнымъ путемъ доходившіе до мастерской, о какихъ-то раздорахъ между мадамъ Зуавъ и Адольфомъ. Но почему и какъ, никто не зналъ этого.

Маринка угостила ихъ чаемъ съ печеньемъ, но отъ маскарада отказалась.

Маринка чувствовала такую апатію, что ей рѣшительно не хотѣлось никуда уходить, но Неонила Панкратьевна настаивала, чтобы она непременно каждый день гуляла.

— Что-жъ это будетъ за отдыхъ, если ты будешь лишена воздуха! Этакъ ты никогда и не поправишься. — говорила она.

Вообще Неонила Панкратьевна всегда дѣлала видъ, что безусловно вѣрить въ возвращеніе Маринки въ мастерскую мадамъ Зуавъ.

Впередъ! Скульптура Рудэ, авт. «Нивы».

И Маринка гуляла. Она теперь отлично изучила весь центральный Петербург. Прежде она знала только свой квартал и главным образом ту улицу, на которой жила.

Чаще всего она, конечно, гуляла по Невскому. Она знала, что новое помѣщеніе для мастерской было на этой улицѣ и именно около Караванной. И когда она приближалась къ этому мѣсту, то видѣла, какъ помѣщеніе это ремонтировалось и всячески приготавлилось. И она подолгу останавливалась и смотрѣла на большія зеркальныя окна, на великолѣпный широкій подъѣздъ, и ее страшно занималъ вопросъ, каково помѣщеніе тамъ, внутри. Ее тянуло зайти и посмотреть, но она какъ-то не рѣшалась на это. Но однажды она-таки не выдержала и зашла.

Она убѣдилась, что готовилось чудное помѣщеніе. Множество комнатъ, высокіе потолки, огромныя зеркальныя окна, масса воздуха. Она была въ восторгѣ. Но когда она вспомнила, что, можетъ-быть, сама она здѣсь вовсе не будетъ, и другія будутъ пользоваться всѣмъ этимъ великолѣпнымъ, то ей стало обидно и горько.

Неонила Панкратьевна въ это время вела свою линію, но дѣлала это тайно отъ Маринки. Она знала, что Маринка очень нервно относится къ этимъ вопросамъ. Но старуха была предусмотрительна и считала своимъ долгомъ заняться изслѣдованіемъ.

Она побывала въ нѣсколькихъ мастерскихъ. Она нигдѣ не предлагала услугъ. Боже сохрани, объ этомъ думать было еще рано, но должна же была она по крайней мѣрѣ узнать, какія бываютъ на свѣтѣ мѣста и какія платятъ жалованья, и вообще на что можетъ разсчитывать Маринка.

Изъ всѣхъ своихъ походовъ она вынесла глубокое разочарованіе. Вездѣ, гдѣ она ни справлялась, оказывалось, что закройщицамъ платятъ чуть-чуть побольше того, что Маринка получала въ качествѣ старшей мастерицы. А ужъ мастерицамъ платятъ такіе гроши, на которые даже и прожить невозможно.

И послѣ того, какъ она собрала такія свѣдѣнія, фирма мадамъ Зуавъ страшно, на недосягаемую высоту, поднялась въ ея глазахъ. Только одна она можетъ платить, какъ слѣдуетъ, и только у нея стоило работать.

Выводъ былъ тотъ, что даже и думать нечего о какой-нибудь другой фирмѣ. Надо во что бы то ни стало вернуться къ мадамъ Зуавъ, надо все сдѣлать для этого. Неонила Панкратьевна рѣшилась умолять мадамъ Зуавъ, если понадобится. А ужъ въ крайнемъ случаѣ опять обратиться къ протекціи мадамъ Рогатовой, которая теперь, конечно, будетъ имѣть еще большее значеніе, потому что Рогатовъ за это время успѣлъ повыситься въ должности.

Въ это время произошла случайная встрѣча съ Адольфомъ на улицѣ. Маринка шла отъ обѣдни съ матерью. Въ эти дни у нея было какое-то особенно грустное настроеніе, и она вся была погружена въ свои мысли. И вдругъ она увидѣла, что ей навстрѣчу идетъ Адольфъ. Она почему-то страшно смутилась.

Адольфъ подошелъ къ ней, поздоровался и поклонился Неонилѣ Панкратьевнѣ.

— Это м-г Зуавъ, — сказала Маринка, сильно покраснѣвъ.

Адольфъ вторично поклонился. Неонила Панкратьевна сейчасъ же на нѣсколько шаговъ отстала отъ нихъ, предоставляя имъ говорить о своихъ дѣлахъ.

— Вотъ вы мнѣ расскажете, м-г Адольфъ, — говорила Маринка, не зная хорошенько, съ чего начать разговоръ: — вы мнѣ расскажете, что же теперь дѣлается въ мастерской, въ магазинѣ?... Я ничего не знаю, я вѣдь никого не вижу...

— Но, право же, я знаю не больше вашего, — сказалъ Адольфъ: — я давно уже тамъ не бываю.

— Какъ не бываете? — съ удивленіемъ спросила Ма-

ринка. — Почему же это? Развѣ вы занялись уже чѣмъ-нибудь другимъ?

— Нѣтъ, ничѣмъ... Но вотъ съ тѣхъ поръ, какъ вы ушли, я въ магазинъ не заглядываю...

— Какъ странно... Неужели же это черезъ меня?

— Да, если хотите. Въ сущности, такъ и надо считать... Признаюсь, я былъ страшно возмущенъ поступкомъ моей маман по отношенію къ вамъ. Вѣдь вы только подумайте, все это произошло изъ-за этого господина... Вы понимаете... Изъ-за этого господина, который не стоитъ вашего пальца.

— Значить, вы изъ-за меня поссорились съ мадамъ Зуавъ?

— Да, мадмуазель Марина, изъ-за васъ я готовъ поссориться съ кѣмъ угодно. Впрочемъ, вы давно должны были это знать. А если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то мнѣ остается только пожалѣть...

Марина была очень тронута такимъ рыцарствомъ, но смущеніе помѣшало ей высказать это.

— Но вы не знаете, когда мастерская переѣзжаетъ? — спросила Марина.

— Навѣрно не знаю. Но знаю, что тамъ очень торопятся. Маман рѣшила не вѣнчаться съ этимъ господиномъ Рембо раньше, чѣмъ не будетъ готова мастерская.

— Значить, къ лѣту?

— Я даже думаю, что раньше.

Все, что они говорили потомъ, когда онъ ихъ провожалъ до дому, было уже мало интересно. Главное, что интересовало Марину, это — мастерская и магазинъ, а о нихъ онъ не могъ ничего сообщить.

Само собой разумѣется, что они ничего не говорили о чувствѣ. Маринка и никогда объ этомъ не говорила, это было не въ ея характерѣ. Адольфъ же, должно-быть, былъ стѣсненъ близкимъ присутствіемъ Неонилы Панкратьевны. Тѣмъ не менѣе встрѣча эта оставила глубокий слѣдъ въ душѣ Маринки. Она возбудила въ душѣ ея то смутное чувство къ Адольфу, которое начало было уже успокаиваться, а теперь обострилось съ новой силой. Столько времени она не видѣла его и съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждалась въ томъ, что съ его стороны это было простое увлеченіе. Ей казалось, что если бы онъ питалъ къ ней что-нибудь серьезное, то непременно нашелъ бы случай повидаться съ ней. Она даже намекнула ему объ этомъ.

— А я думала, что вы очень заняты въ магазинѣ... Я вѣдь много теперь гуляю, а нигдѣ васъ не встрѣчаю...

— Я давно уже хотѣлъ встрѣтиться съ вами, мадмуазель Марина, — сказалъ Адольфъ, догадавшись о томъ, что она хотѣла сказать: — да я не смѣлъ...

— Развѣ это надо смѣть — встрѣтиться?

— Я не о случайной встрѣчѣ говорю... Но мнѣ слѣдовало найти ее...

Марина на это ничего не сказала, она только слегка покраснѣла и опустила глаза.

— Ну, что-жъ, — сказалъ Адольфъ, когда они подошли къ дому, гдѣ жила Марина. — Какъ только они переѣдутъ, вы сейчасъ же начнете работать тамъ?

— Не знаю, м-г Адольфъ... Мнѣ кажется, что я тамъ уже не нужна, — нерѣшительно промолвила Маринка.

— О, этого вы не должны думать, вы тамъ нужны, очень нужны, м-ше Марина! Маман безъ васъ не можетъ обойтись. Ужъ это я знаю навѣрное. Мнѣ извѣстно, что она возлагаетъ на васъ большія надежды.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила Маринка, и глаза ея засіяли.

— О, можете быть увѣрены въ этомъ. Нѣтъ, какъ бы ни была ко мнѣ несправедлива маман, а все-таки я скажу: она неспособна поступить съ вами вѣроломно. Это ея слабость къ Рембо — я нисколько ее не осуждаю, у каждого человѣка есть свои слабости, почему же имъ не быть и у нея? Эта слабость заставила ее рѣшиться на такой несправедливый шагъ. Но вѣдь она же и сама

страдаетъ отъ этого. Мадмуазель Квиссо... Развѣ же ее можно сравнить съ вами?... Вы просто обворовали всѣхъ заказчицъ... И потомъ ваши способности, ихъ надо цѣнить на вѣсъ золота...

— О, m-г Адольфъ, вы меня совѣмъ захвалили.

— Вы стоите гораздо большаго, мадмуазель Марина, — сказалъ Адольфъ и простился съ нею и съ Неонилой Панкратьевной.

Можетъ-быть, онъ ждалъ, что онѣ пригласятъ его зайти къ нимъ. И у Маринки мелькала эта мысль. Но когда она вспомнила о своей обстановкѣ, объ этомъ ужасномъ клеенчатомъ диванѣ, о полумракѣ и о кухонномъ запахѣ, наполнявшемъ ихъ квартиру, то отказалась отъ этой мысли.

XI.

Такимъ образомъ Адольфъ зналъ уже, гдѣ живетъ Маринка. Онъ довелъ ихъ до самой лѣстницы, которая вела въ ихъ квартиру. Но до сихъ поръ онъ не рѣшался заходить къ нимъ, хотя ему и очень этого хотѣлось. Онъ очень опредѣленно скучалъ о Маринкѣ, и у него на ея счетъ были довольно смѣлыя мысли. Онъ не находилъ ничего невозможнаго въ томъ, что когда-нибудь онъ, можетъ-быть, и женится на ней.

Къ Маринкѣ онъ относился совершенно особеннымъ образомъ. У него, конечно, бывали болѣе или менѣе романическія встрѣчи и легкія связи, и къ этому вопросу онъ относился легко. Но Маринка никогда не пробуждала въ немъ легкихъ мыслей.

Отчасти потому онъ и не рѣшался зайти къ нимъ, что не могъ достаточно прилично мотивировать свой визитъ. И онъ боялся, что его посѣщеніе можетъ быть дурно истолковано.

Но теперь, когда въ головѣ его родилась знаменитая мысль, онъ ни одной минуты не колебался. Вѣдь это было уже нѣчто въ высшей степени опредѣленное, у него было что сказать Маринкѣ и что предложить ей.

Въ тотъ же день, когда начало вечерѣть, онъ отправился къ нимъ. Знакомой дорогой онъ вошелъ во дворъ, потомъ сталъ подниматься по темной лѣстницѣ. Здѣсь ему трудно было опредѣлить, какую именно квартиру занимаетъ Маринка, но онъ вспомнилъ, что она говорила что-то о четвертомъ этажѣ. На площадкѣ четвертаго этажа было три двери, и ему оставалось только наугадъ позвонить въ одну, — и это вышло удачно.

Лѣстница была очень неказистая, темная, съ неприятнымъ затхлымъ запахомъ, но Адольфъ такъ былъ поглощенъ своей идеей, что даже не слышалъ этого запаха и не замѣчалъ темноты. Блестящая идея освѣщала ему путь.

Съ минуту онъ простоялъ на площадкѣ. Наконецъ дверь отперла ему Неонила Панкратьевна.

Въ первую минуту она его не узнала и посмотрѣла на него даже не особенно дружелюбно. Это бывало такъ рѣдко, чтобъ къ нимъ кто-нибудь приходилъ, и она подумала, что позвонили по ошибкѣ.

— Вамъ кого? — спросила она.

— Мнѣ надо бы видѣть мадмуазель Марину, — сказалъ Адольфъ.

— Марину? — переспросила Неонила Панкратьевна и какъ-то подозрительно осмотрѣла его: но вдругъ она его узнала.

Она видѣла его всего одинъ разъ на улицѣ, но теперь сразу припомнила.

— Ахъ, это вы, — сильно смутившись, промолвила Неонила Панкратьевна и начала усердно прикрывать платкомъ свою шею.

Она сюда вышла прямо изъ кухни, гдѣ готовила обѣдъ. Лицо ея было красно отъ жара плиты, волосы мокры отъ пота. Предательскій запахъ кушанья достигалъ сюда и билъ прямо въ носъ Адольфу.

— Такъ вы зайдите... Пожалуйста, вотъ сюда... — суетливо говорила она.

— Я прошу извиненія, — сказалъ Адольфъ: — я собственно не имѣю права... Но я рѣшился зайти, потому что мнѣ крайне необходимо видѣть мадмуазель Марину...

— Она дома, дома... Сейчасъ я ей скажу...

— Пожалуйста, сообщите, что у меня важное дѣло къ ней.

— Прощу васъ, прощу васъ... — говорила Неонила Панкратьевна, предлагая ему войти въ переднюю: — только ужъ извините, пожалуйста, вамъ придется минутку подождать здѣсь. А тутъ темно и даже присѣсть негдѣ. Да ужъ нечего дѣлать... Я сейчасъ.

Все это Неонила Панкратьевна говорила озабоченно и затѣмъ оставила гостя и быстро отправилась къ Маринкѣ.

Маринка была одѣта по-домашнему. Она никуда не собиралась выходить въ этотъ день и никого не ждала къ себѣ. Въ апатичной позѣ она лежала на клеенчатомъ диванѣ и страшно скучала.

— Маринка, вставай да пріодѣнься... — тихимъ голосомъ сообщила ей Неонила Панкратьевна. — Ты знаешь, кто пришелъ?

— А кто, мамаша?

— Да не знаю, какъ онъ называется... Забыла. А только вотъ этотъ самый — хозяйскій сынъ...

— Хозяйскій сынъ? — съ недоумѣніемъ спросила Маринка.

— Ну да же... Мадамъ Зуавы сынъ.

— Да что вы, мамаша?..

Марина вскочила. Видъ у нея былъ до послѣдней степени растерянный.

— Да гдѣ же онъ, мамаша? Неужели въ передней? Вѣдь это же ужасно! Тамъ темно.

— Ну, голубушка, не сейчасъ стало темно, а всегда такъ было. Я извинилась...

Маринка заметалась. Туалетъ ея былъ крайне неподходящій для пріема гостей, а въ особенности Адольфа. У нея явилась мысль переодѣться, но на это потребовалось бы по крайней мѣрѣ десять минутъ: нельзя же было заставлять Адольфа такъ долго ожидать въ передней. Она рѣшила ограничиться только кой-какими украшениями: приколотъ бантикъ, надѣла поясочъ, поправила волосы и рѣшилась принять Адольфа.

— Ахъ, мамаша, да вы зажгли бы лампу, — сказала Марина.

— И то правда, — отвѣтила Неонила Панкратьевна, которая была взволнована несколько не меньше, чѣмъ ея дочь.

Она зажгла лампу, въ комнатѣ стало свѣтло. Вмѣстѣ онѣ поспѣшно привели комнату въ порядокъ. Все-таки Адольфу пришлось нѣсколько минутъ прождать въ темной передней.

— Теперь зовите его, мамаша.

Неонила Панкратьевна вышла въ переднюю.

— Пожалуйста вотъ сюда, — пригласила она Адольфа, растворивъ двери освѣщенной комнаты.

Адольфъ вошелъ въ маленькую комнатку, которая исполняла всѣ обязанности, кромѣ спальни. Здѣсь и обѣдали и принимали знакомыхъ, здѣсь же стояла и ручная машинка, на которой шила Неонила Панкратьевна, а иногда и Маринка.

— Ахъ, m-г Адольфъ, мнѣ такъ совѣстно, — говорила Маринка отъ сильнаго волненія, не находя подходящихъ фразъ: — у насъ такъ неудобно, вамъ пришлось ждать... Но я, право, не ожидала...

— Ахъ, что вы, мадмуазель Марина, это я самъ виновать... Мнѣ надо было попросить у васъ позволенія, но я не успѣлъ, это такъ внезапно, у меня явилось дѣло... Увѣрю васъ, мадмуазель Марина, что у меня есть дѣло.

— Садитесь, пожалуйста, m-г Адольфъ: видите, какъ у насъ тѣсно, и потомъ этотъ ужасный запахъ изъ кухни...

Сердце воина. Картина Ф. Лэне, гравюра Фальшеера.

Вы вѣдь не привыкли къ этому; а мы съ мамашей даже не замѣчаемъ.

— Ну, говорите себѣ тутъ, — сказала Неонила Панкратевна: — а мнѣ надо въ кухню, тамъ у меня жарится!..

И она оставила ихъ. Маринка была страшно смущена.

Онъ сѣлъ и наконецъ овладѣлъ собой. Онъ рѣшилъ сразу же приступить къ дѣлу.

— Вамъ покажется страннымъ, мадамъ Маринка, но... Могу ли я быть съ вами совершенно откровенъ?

Передъ казнью. Картина А. Шварца, авт. «Нивы».

Адольфъ это видѣть, но самъ онъ былъ взволнованъ не меньше ея, и потому минуты двѣ тянулось какое-то неопредѣленное положеніе. Они оба не знали, какъ завязать разговоръ.

— Садитесь же, пожалуйста, — вторично пригласила его Маринка.

— Конечно, м-г Адольфъ, какъ же иначе! — отвѣтила Маринка, и это начало заставило ее взглянуть на него съ нѣкоторымъ опасеніемъ.

Что же это за дѣло такое, что ему понадобилось быть откровеннымъ?

— Благодарю васъ, — очень серьезно сказалъ Адольфъ. —

Видите ли, мадмуазель Марина, мнѣ прежде всего приходится говорить вамъ о себѣ. Но это ничего не значить, я потомъ перейду и къ дѣлу. Вамъ уже извѣстно, что я разошелся съ своей матерью.

— Какъ? вы до сихъ поръ не помирились съ мадамъ Зуавъ?—воскликнула Марина.

— Нѣтъ, помириться намъ очень трудно. Между нами сталъ посторонній человѣкъ, мадмуазель Марина. Вы знаете, этотъ Рембо...

Марина кивнула головой въ знакъ того, что она понимаетъ.

— Но все-таки мы съ нею говорили, съ моей маман! — продолжалъ Адольфъ. — Ей, должно-быть, стало неловко, и она захотѣла исправить свою несправедливость. Она рѣшила, прежде чѣмъ выйти замужъ за господина Рембо, дать мнѣ возможность жить самостоятельно, т. е. выдѣлить мнѣ часть своего капитала. Конечно, такъ она и должна была поступить. Я ничѣмъ не провинился передъ нею. Вы знаете, что я всегда былъ почтительнымъ сыномъ. Но дѣло въ томъ, мадмуазель Марина, что маман въ настоящее время потеряла свою волю, она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ господина Рембо, который всегда былъ моимъ врагомъ. И вы, конечно, будете удивлены, мадмуазель Марина, если узнаете, что я получилъ отъ моей матери всего-на-все... Ну, какъ вы думаете, сколько я могъ получить отъ нея?

— Я этого совсѣмъ не знаю, м-г Адольфъ.

— Да, конечно, вы не можете знать. Но это смѣшно... У моей матери въ банкѣ лежитъ капиталъ около трехсотъ тысячъ, а мнѣ она выдѣлила всего-на-все двадцать пять тысячъ. Итакъ, имѣйте въ виду, мадмуазель Марина, что у меня всего только двадцать пять тысячъ.

Марина посмотрѣла на него большими и крайне недоумѣвающими глазами. Ей казалось страннымъ, что онъ, явившійся въ ея домъ первый разъ, вдругъ ни съ того ни съ сего заговорилъ о томъ, сколько ему выдѣлила мать. И почему-то онъ настаиваетъ на томъ, чтобы она знала, сколько у него денегъ. Она вѣдь никогда не спрашивала его о томъ, какія у него средства.

— Я не понимаю, м-г Адольфъ... — съ замѣтнымъ смущеніемъ промолвила она: — зачѣмъ мнѣ все это знать?

— О, вамъ нужно знать это, мадмуазель Марина... Вамъ необходимо это знать, — съ странной горячностью отвѣтилъ Адольфъ. — Видите ли, мадмуазель Марина, это сейчасъ объяснится, сейчасъ вы все поймете... Но я все-таки еще долженъ говорить о себѣ. Вы меня очень мало знаете, но это ничего не значить. Я долженъ сказать вамъ, а вы мнѣ повѣрьте, что я человѣкъ серьезный... Это правда, что я еще очень молодъ, мнѣ это говорила и маман, мнѣ всего только двадцать два года: но на жизнь я смотрю очень серьезно. И когда произошла у васъ исторія съ Рембо, я ужасно боялся, чтобы вы не подумали, что и я такъ же, какъ онъ... Понимаете, мнѣ было очень больно предположить, что вы могли понять мои дѣйствія, какъ легкомысленныя... Нѣтъ, увѣряю васъ, мадмуазель Марина, что у меня никогда не было дурныхъ намѣреній. Чувство мое глубокое, и все, что я говорилъ вамъ, было искренно. И сегодня вы получите на это доказательство.

Слушая эти рѣчи, Марина испытывала совершенно необычное ощущеніе. Съ одной стороны было ясно, что онъ почти-что объясняется ей въ любви, и она, конечно, ничего лучшаго въ жизни не могла желать: но, съ другой стороны, она, сама не зная почему, испытывала какое-то опасеніе, какъ будто вотъ-вотъ онъ скажетъ сейчасъ что-то страшное, могущее имѣть вліяніе на всю ея жизнь, что-то такое, что наложить на нее тяжесть, отъ которой ей ужъ никакъ нельзя будетъ отвертѣться.

Никогда въ жизни еще она не испытывала такого состоянія, и она мысленно спрашивала себя: „Что-жъ это будетъ? Что это будетъ?“ И у нея являлась мысль: не оставить ли его, не закрыть ли уши, чтобы вовсе не слышать того, что будетъ дальше?

Но Адольфъ и не думалъ останавливаться, а продолжалъ все съ большей твердостью и горячностью. Наконецъ онъ произнесъ слова, которыя уже не оставляли никакихъ сомнѣній:

— И я пришелъ къ вамъ сегодня, мадмуазель Марина, для того, чтобы сказать вамъ отъ чистаго сердца и вполне сознательно, что я... Ну, понимаете ли, я люблю васъ.

Послѣ этихъ словъ Марина вдругъ почувствовала, что она совсѣмъ пропала. Нѣсколько секундъ у нея было такое ощущеніе, какъ будто она провалилась сквозь землю. Она чувствовала, что у нея вся кровь прилила къ головѣ, что лицо ея красно, что слезы подступаютъ у нея къ горлу, что она вотъ-вотъ расплачется.

И въ то же время она какъ будто сквозь сонъ понимала, что на такія слова непременно нужно отвѣчать, но у нея не было никакихъ словъ для отвѣта, она ничего не умѣла сказать. И произошло длинное томительное молчаніе.

— Мадмуазель Марина, вы понимаете, насколько важно мнѣ слышать отъ васъ... слышать вашъ отвѣтъ! — дрожащимъ голосомъ произнесъ Адольфъ. — Такъ какъ вы молчите, то я долженъ опасаться, что, можетъ-быть, я ошибся, мадмуазель Марина?

Марина глубоко вздохнула.

— М-г Адольфъ, я... я не умѣю говорить, — тихимъ, едва слышимымъ голосомъ произнесла она.

— Да тутъ ничего не надо умѣть, мадмуазель Марина. Ну, право же, вы скажите только одно слово.

— Какое слово? — попрежнему тихо спросила Марина.

— Скажите мнѣ: да или нѣтъ.

— О, Господи... Ахъ, м-г Адольфъ... Да вѣдь вы же знаете... Ну, да, конечно, да...

И она закрыла лицо руками.

Она ничего не видѣла, но для нея было ясно, что Адольфъ послѣ ея словъ рѣшительно поднялся и сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней.

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку! — воскликнулъ Адольфъ, и она чувствовала, что онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Марина не препятствовала: она вообще теперь ничему не могла препятствовать, она была какъ во снѣ. Она какъ будто на время потеряла свою волю. Сколько разъ ни думала она объ Адольфѣ, никогда она не могла и вообразить, что все это такъ произойдетъ. Она видѣла съ его стороны симпатію, но никакъ не ожидала, что это — чувство, то настоящее чувство, о которомъ она мечтала. Если-бъ еще были какія-нибудь предупрежденія, ну, хотя бы во время той встрѣчи на улицѣ наметкнулъ онъ ей, но ничего подобнаго не было. И все это ей нужно было пережить разомъ, въ нѣсколько минутъ. Надо было свыкнуться съ этимъ и признать. Поэтому, хотя она не имѣла права сомнѣваться въ искренности Адольфа, хотя объясненіе его взволновало и потрясло ее, тѣмъ не менѣе ее не покидало сомнѣніе, и странная мысль все время не выходила у нея изъ головы: нѣтъ, это шутка... Можетъ-быть, онъ даже смѣется.

Прошло минуты двѣ, въ продолженіе которыхъ оба они молчали, каждый отдѣльно переживая свои чувства. Адольфъ держалъ ея руку и тихо пожималъ ее.

Затѣмъ Адольфъ осторожно оставилъ ея руку, какъ-то весь встряхнулся и заговорилъ голосомъ твердымъ и дѣловымъ.

— Ну, Марина, — произнесъ онъ, въ первый разъ называя ее просто по имени: — теперь давайте говорить серьезно. Вы уже знаете, что я человѣкъ самостоятельный. Прежде я зависѣлъ отъ матери, каждый шагъ мой зависѣлъ отъ нея. Такъ какъ у насъ были хорошія отношенія, то я не чувствовалъ никакой тяжести отъ этого, но надо сказать, что она держала меня, какъ ребенка. Теперь же я совсѣмъ независимъ отъ моей матери. Правда, какъ вы уже знаете, Марина, у меня всего-на-

все двадцать пять тысяч, это немного, но это ничего не значит. Я кой-чему учился, у меня есть дѣловыя способности. Да, это призналъ даже мой врагъ, господинъ Рембо, я знаю, что онъ говорилъ объ этомъ моей матери... Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ обладаете вы, Марина. У васъ, Марина, есть талантъ, замѣчательный талантъ. О, вы даже не знаете, что это такое. А я вамъ скажу, что это рѣдкость, и это очень важно для насъ. Вы увидите, что этотъ нашъ небольшой капиталъ мы скоро увеличимъ, и я даже знаю какъ, но пока позвольте не сказать вамъ этого, Марина. Да, я не скажу вамъ, пока не будетъ все для этого готово. Но вы увидите, что это такое... Ахъ, Марина, вы просто ахнете, когда увидите... Но, позвольте, что же это? Я вѣдь не сказалъ самаго главнаго. Вѣдь я за этимъ и пришелъ къ вамъ, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе: я хочу, чтобы вы были моей женой, Марина.

Хотя, повидимому, это предложеніе вполне логически слѣдовало изъ всего предыдущаго, тѣмъ не менѣе Марина была страшно потрясена имъ. Она вдругъ открыла лицо и взглянула на него почти съ ужасомъ.

— М-г Адольфъ! Развѣ это возможно? — воскликнула она. — Нѣтъ, нѣтъ... Это совершенно невозможно...

— Какъ же невозможно, Марина, если я объ этомъ умоляю васъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, м-г Адольфъ...

— Просто—Адольфъ... Вашъ Адольфъ, Марина... Да, да, я теперь ужъ вашъ... Вѣдь вы не отказываетесь, нѣтъ?

Марина молчала. Конечно, у нея не было и въ мысляхъ отказаться отъ его предложенія. И, казалось бы, послѣ такихъ опредѣленныхъ словъ, у нея не должно бы быть никакого сомнѣнія. Между тѣмъ она не могла сказать, что вѣрила вполне и безусловно. Что-то такое еще оставалось, что-то нужно было доказать, чтобы она совсѣмъ повѣрила. Тутъ, можетъ-быть, сказала она особая безпомощность, которую дѣвушка чувствуетъ въ вопросахъ сердца, и именно такая дѣвушка, какою была Марина. Съ двѣнадцати лѣтъ погруженная въ свою специальную работу, ежечасно вращавшаяся въ сферѣ ея интересовъ, она въ этомъ своемъ дѣлѣ была болѣе самостоятельна, чѣмъ какая-либо другая дѣвушка. Никогда не было у нея колебаній, всегда она дѣйствовала въ этой сферѣ рѣшительно и прямо. Никогда не приходило ей въ голову по какому-нибудь портняжному недоразумѣнію совѣтоваться съ Неонилой Панкратьевной. А тутъ именно все время передъ нею стоялъ образъ матери, и въ головѣ была мысль: „а какъ мамаша?“

Въ томъ вопросѣ, какой теперь былъ передъ нею поставленъ, въ ея глазахъ мать являлась какъ бы рѣшающей инстанціей. И рядомъ съ этимъ была другая мысль, которая совсѣмъ тайно копошилась гдѣ-то въ ея сердцѣ: хорошо, это онъ говоритъ мнѣ, а скажетъ ли онъ такъ же ей?

Адольфъ между тѣмъ не допускалъ даже и мысли, что можетъ получить отъ Марины отрицательный отвѣтъ. Тутъ, конечно, играло большую роль сознаніе, что онъ сынъ мадамъ Зуавъ, что по сравненію съ Мариной онъ занимаетъ высшее положеніе, что наконецъ онъ предлагаетъ ей не какія-нибудь пустяки, не одну только романтическую любовь, но и твердое обезпеченное положеніе. Онъ, разумѣется, не думалъ обо всемъ этомъ, но изъ всего этого какъ-то сама собою составлялась его увѣренность.

И онъ, какъ бы предрѣшивъ уже, что Марина согласна, началъ ходить по комнатѣ и говорить горячія рѣчи, какія-то необыкновенно прекрасныя слова, отъ которыхъ Марина чувствовала себя счастливой, хотя и неявно понимала ихъ.

Онъ говорилъ о томъ, что у нихъ будетъ какое-то огромное, грандіозное дѣло, почти невѣроятное, фантастическое: но говорилъ онъ съ убѣжденіемъ, и это дѣйствовало на нее, и она начинала вѣрить, что такое дѣло можетъ осуществиться.

— Да, Марина, — говорилъ Адольфъ, расхаживая по комнатѣ и размахивая руками: — вы увидите, что мы, соединившись, разовьемъ такое предпріятіе, о какомъ и не снилось мадамъ Зуавъ. И я вѣдь знаю, что это именно то, что вамъ нужно и что можетъ сдѣлать васъ счастливой. Это ваша сфера, въ ней вы будете царить. Я хорошо понялъ вашъ характеръ. Вашъ великолѣпный талантъ до сихъ поръ еще не развернулся, онъ не былъ примѣненъ, какъ слѣдуетъ. Его цѣнили, но недостаточно. Но я оцѣнилъ его, Марина. Поэтому-то у меня и явилась такая мысль — удивительная, необыкновенная, блестящая мысль... Вы увидите, вы увидите... Осуществится ваша мечта, совершится нѣчто такое, что будетъ похоже на сонъ... Но скажите же мнѣ, Марина, — добавилъ онъ, остановившись передъ нею: — скажите мнѣ, что вы согласны, ну, говорите же, я жду...

Марина встала.

— Позвольте мнѣ позвать сюда мамашу! — промолвила она.

Въ этотъ именно моментъ она почувствовала, что не можетъ обойтись безъ помощи Неонилы Панкратьевны.

— Можно попросить сюда мамашу? — повторила Марина, и въ ея взглядѣ, обращенномъ на него, онъ замѣтилъ какъ будто какое-то недоверіе, какъ будто она допускала, что можетъ быть отрицательный отвѣтъ.

— Но какъ же... Еще бы! — воскликнулъ Адольфъ. — Конечно... Я даже прошу объ этомъ...

Тогда Марина вдругъ почувствовала, какъ будто какая-то тяжесть упала у нея съ плечъ, и лицо ея вдругъ просвѣтлѣло. Она разомъ повѣрила во всѣ его слова, и все ея безпокойство кончилось.

До сихъ поръ она слушала его съ упоеніемъ, какъ слушаю ѣ чудную пѣсню соловья, но какъ-то не могла вполне признать, что все это относится именно къ ней. Слишкомъ ужъ это было для нея большое счастье, слишкомъ мало это походило на прежнее. Никогда мечты ея не заходили такъ далеко. Никогда она не предполагала со стороны Адольфа такого серьезнаго шага.

Когда же онъ такъ просто и безъ всякихъ колебаній согласился на то, чтобы она позвала Неонилу Панкратьевну, всѣ ея сомнѣнія разлетѣлись. Значить, это серьезно, по-настоящему, значить, это вполне честно.

И тутъ она почувствовала, что собственно Неонилу Панкратьевну теперь ужъ и приглашать незачѣмъ. Въ душѣ ея было все ясно, и ей было уже совсѣмъ не трудно произнести тѣ слова, которыя за минуту передъ этимъ казались ей невозможными.

— Ну, такъ я ужъ и безъ мамашы скажу, — твердымъ голосомъ промолвила Марина: — я согласна, Адольфъ!

— Ну вотъ, наконецъ-то!.. Только это и надо было сказать!.. — воскликнулъ Адольфъ.

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ея обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Но только вотъ условіе, Марина: пока никому не будемъ говорить объ этомъ. Вы не думайте, что я хочу дѣлать изъ этого секретъ. Но это необходимо для дѣла, понимаете ли, для того дѣла, о которомъ я вамъ говорилъ. Это могло бы повредить ему... Ахъ, да вы потомъ и сами все это поймете и одобрите... Моя мысль прямо гениальная! Вы увидите... Въ особенности же не должна знать этого моя мать, ну и, конечно, господинъ Рембо. Это самое главное, чтобы онъ не зналъ. Вы согласны?

— Ну, конечно, если это надо...

— Ну, а теперь попросите сюда вашу мамашу, — сказалъ Адольфъ.

— Да, я сейчасъ позову ее.

Марина вышла, и Адольфъ долженъ былъ прождать ее нѣсколько минутъ. Для него было очевидно, что Марина сообщала Неонилѣ Панкратьевнѣ обо всемъ случившемся. Это такъ и было.

Неонила Панкратьевна постаралась, сколько могла, привести свой туалетъ въ порядокъ, откатала рукава,

вымыла лицо холодной водой, пригладила волосы. Она не изумлялась и не обсуждала, а просто была безумно обрадована. Адольф очень нравился ей, и она находила, что они съ Маринкой составят прекрасную пару.

Маринка рассказала ей и о двадцати пяти тысячах,

мадамъ Зуавъ, которая создала первую портняжную фирму въ Петербургъ.

Къ дѣловымъ способностямъ Адольфа она мысленно приложила исключительные таланты Маринки, въ которые она безусловно вѣрила и которые были засвидѣ-

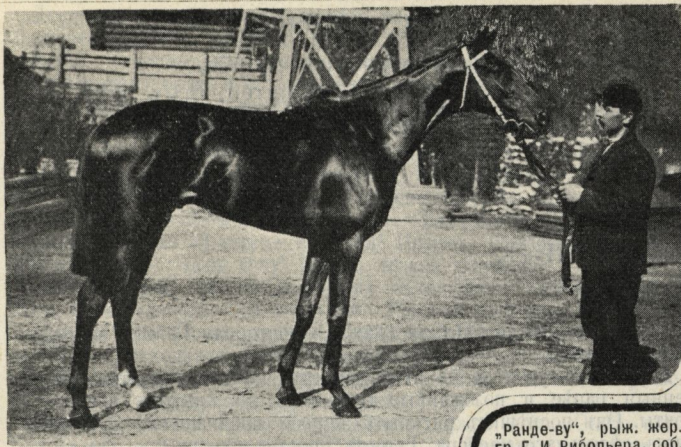
Хождение въ народъ. Картина и. А. Владимірова, арт. «Нивы».

обладателемъ которыхъ былъ Адольфъ, и Неонила Панкратьевна, совершенно не привыкшая къ большимъ деньгамъ, находила, что это огромное состояніе.

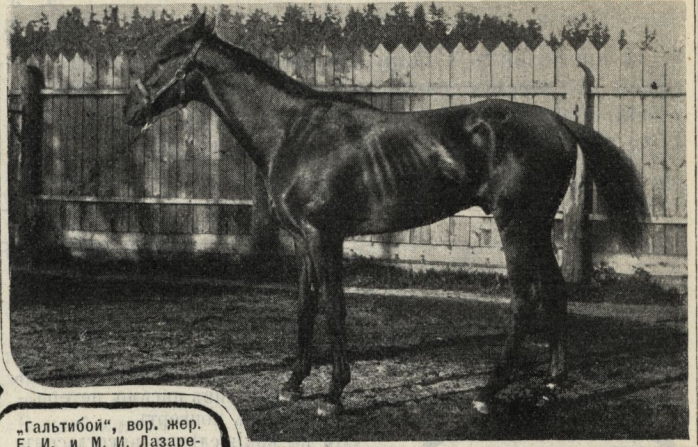
И кромѣ того она почему-то сразу повѣрила въ дѣловыя способности Адольфа. Недаромъ онъ былъ сыномъ

тѣствованы такимъ высокимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ мадамъ Зуавъ, и ея воображеніе на основаніи этихъ данныхъ нарисовало феерическую картину будущаго счастья.

(Окончаніе слѣдуетъ).

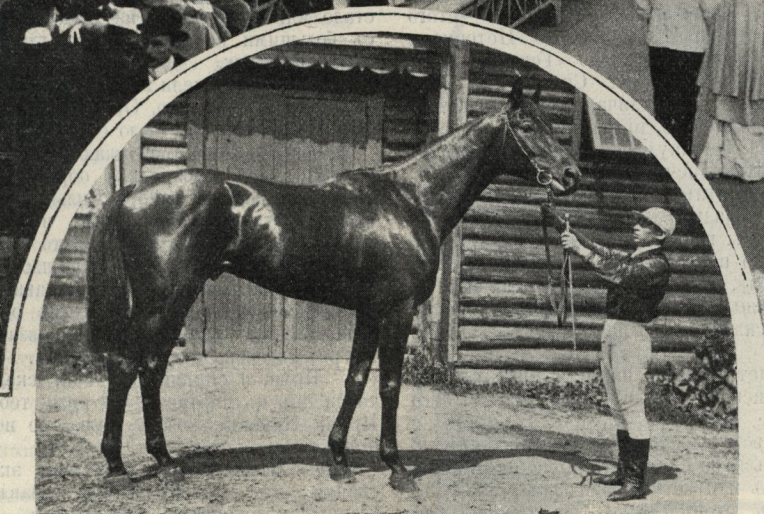
„Ранде-ву“, рыж. жер.
гр. Г. И. Риопьера, соб.
зав., род. 1901 г., по-
бѣдитель Император-
скаго приза въ Москвѣ.

„Гальтибой“, вор. жер.
Е. И. и М. И. Лазаре-
выхъ, 4 лѣтъ, взявшій
Императорскій призъ
16 іюля с. г. въ Спб.

Трибуны для публики.

„Гаммураби“, гн. жереб. Государственной Деркульской скаковой конюшни, отъ
„Гальтимора“ и „Гальционы“, род. 1903 г., побѣдитель Дэрби и весенняго приза
въ честь Ея Императорскаго Высочества Вел. Кн. Елисаветы Теодоровны.

Скачки въ Коломнягахъ.

Ч у д о .

(Изъ Бенгали).

...И промолвилъ Саади, лукавый пророкъ:
«Если солнце восходитъ,—иди на востокъ!
«Если солнце заходитъ,—на западъ иди!
«Будетъ солнце всегда предъ тобой впереди!»

О, ты лжешь намъ о солнцѣ, лукавый пророкъ!

Если, солнце любя и о солнцѣ скорбя,
Ты за солнцемъ пойдешь безъ путей, безъ дорогъ,—
И на западъ солнце взойдетъ для тебя,
И отъ запада солнце поидетъ на востокъ!

К. Чуковский.

Послѣдняя скачка.

Разсказъ Ф. О. Кюне.

— Почтадонъ приходилъ?

— Точно такъ, ваше благородіе. Я положилъ письмо на столъ. Поручилъ Гриммъ, звени шпорами, направился въ свой кабинетъ и, быстро схвативъ письмо, нетерпѣливо разорвалъ конвертъ.

«Ни на какія сдѣлки не согласенъ. Завтра въ полдень срокъ истекаетъ. Петерманъ»,—прочиталъ онъ.

Его мужественное, загорѣлое лицо омрачилось. Онъ прочелъ письмо еще разъ.

— Значить, все пропало!—вырва-

— Да, это моя послѣдняя скачка,—повторилъ Гриммъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ на столѣ еще два письма, вѣроятно, принесенныя ранѣе и положенныя туда еще до прихода послѣдней почты. Онъ поспѣшилъ раскрыть первое попавшееся. Это былъ счетъ сѣдельнаго мастера. Гриммъ яростно швырнулъ его въ уголъ. Второе письмо его заинтересовало. Графъ Ведель приглашалъ его сегодня вечеромъ на ужинъ «въ своей компаніи», какъ писалъ онъ. Несмотря на формальность приглашенія, Гриммъ почему-то надъ нимъ призадумался, такъ какъ между строкъ онъ прочелъ нѣчто иное, что и подтвердилось заключеніемъ письма: «на скачкахъ познакомлю тебя съ будущей твоей сосѣдкой за столомъ».

Да? Что такое произошло вчера вечеромъ, въ клубѣ? Ведель, кажется, познакомилъ его съ англичаниномъ—какъ-то его фамилія? Да, мистеръ Файербанкъ. Господинъ этотъ не отличался словоохотливостью, но разговоръ, тѣмъ не менѣе, не умолкалъ все время и, конечно, большею частью касался скачекъ. Какъ бы между прочимъ, мистеръ Файербанкъ замѣтилъ, что его дочь особенно интересуется этимъ спортомъ и страстно любитъ лошадей, онъ же самъ относится къ этому вопросу довольно равнодушно.

Ведель, женатый на англичанкѣ, дальнѣй родственникъ Файербанка, улучивъ минуту, чтобы остаться съ Гриммомъ съ глазу на глазъ, замѣтилъ ему:

— Гриммъ, тебѣ безсовѣстно везетъ! На зеленомъ полѣ ты одерживаешь побѣду за побѣдой, а сердца дамъ, возсѣдающихъ на трибунѣ, ты берешь штурмомъ. Мы, конечно, были вчера на скачкахъ. Твоя побѣда на «Гортензіи» была блестяща. На это способенъ только ты. Тебѣ бы слѣдовало обратить вниманіе на воодушевленіе миссъ Виолетъ. А вечеромъ старикъ попросилъ меня познакомить его съ тобой. Чего же тебѣ еще, мой милый? Говорю только—не збывай! Файербанкъ богатъ и—изъ крупныхъ.

Да, такъ, именно такъ было дѣло. Онъ же, смѣясь, отвѣтилъ: — Ведель, старый дружище! Видѣ это, кажется, уже третья твоя попытка меня околнчить?

Глаза Гримма заблестѣли. Онъ взялъ хлыстъ и щелкнулъ имъ въ воздухѣ.

— Вотъ былъ бы выходъ!—сказалъ онъ.—Если бы сейчасъ написать Петерману и сдѣлать ему кое-какіе намеки, прибавивъ къ этому вчерашній двѣ тысячи?—гм!—кто знаетъ? Можетъ-быть, онъ смягчился бы и согласился бы на отсрочку? А за нимъ бы и другіе? Приступъ ихъ я предвижу уже на будущей недѣлѣ.

Хлыстъ снова щелкнулъ по воздуху. Гриммъ машинально обвелъ глазами комнату. На одной изъ стѣнъ, сплошь увѣшанныхъ всевозможными изображеніями чистокровныхъ лошадей, въ скромной рамкѣ, висѣлъ небольшой портретъ.

Гриммъ подошелъ къ нему ближе, долго и пристально смотрѣлъ на него, при чемъ блескъ его глазъ померкъ, и выраженіе ихъ стало мягче. Это было изображеніе прелестнаго женскаго личика, съ большими выразительными глазами, какъ будто смотрящими прямо въ душу.

— Ирм! Неужели же я способенъ причинить тебѣ такое горе?—сорвалось съ губъ его. Онъ крѣпко сжалъ въ кулакъ лѣвую руку.—Нѣтъ! Никогда! Это было бы предательство!

Любовь Гримма продолжалась уже три года. Въ то время, когда молодые люди собирались обручиться, отецъ Ирмы, тогда еще здоровый, бодрый майоръ Вильневъ, состоялъ на службѣ. Однако бодрость эта оказалась только наружной. Онъ занемогъ какъ-то сразу. Впослѣдствіи узнали, что болѣзнь его была вызвана потерей всего состоянія. Ему пришлось выйти въ отставку. Но вотъ уже два года, какъ онъ умеръ, оставивъ дочь безъ всякихъ средствъ. Съ тѣхъ поръ она жила въ домѣ одного изъ дядей, полковника Рейценштейна, исполняя тамъ обязанности чутъ ли не экономки.

Гриммъ снова отдался мечтамъ.

— Ирм! Я спрашиваю тебя, скажи, что мнѣ дѣлать?—обратился онъ къ портрету.—Я вижу тебя передъ собой, слышу тебя! Ирм! Никогда любовь наша не подвергалась такимъ испытаніямъ.

Онъ услышалъ, какъ подѣхалъ экипажъ, чтобы отвезти его на скачки. Это показалось ему избавленіемъ. Онъ поспѣшилъ въ уборную и докончилъ свой туалетъ. Возвратившись, онъ перекинулъ черезъ плечо полевой бинокль въ желтомъ кожаномъ футлярѣ на желтомъ ремнѣ. Выхода, онъ прощадилъ сквозь зубы:

Наaddockъ.

лось у него.—Такъ я и зналъ. Откуда теперь взять десять тысячъ? Какъ быть?

Мысль, что ему придется снять мундиръ, обдавала его холодомъ. Да! Наслѣдственная страсть спортсмена сказала. Не имѣя состоянія, онъ рисковалъ участвовать на скачкахъ на собственныхъ лошадяхъ. Ему удалось взять нѣсколько призовъ, спортсмены считали его однимъ изъ лучшихъ фзиковъ-джентльменовъ, но призы далеко не покрывали расходовъ. Къ тому же крупная игра въ тотализаторъ уносила много денегъ.

Скаковое зеленое поле—тотъ же зеленый столъ, только большаго размѣра.

Гриммъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Все пропало! все противъ меня!—пробормоталъ онъ сквозь плотно сжатые зубы.—На «Гортензіи» я бы скакать не задумался, несмотря на серьезную конкуренцію, и навѣрное взялъ бы. Это принесло бы мнѣ шесть тысячъ. Прибавить вчерашній двѣ—итого восемь. Это, можетъ-быть, умиротворило бы алчнаго Петермана хотя отчасти. Но—все противъ меня! Еще вчера «Гортензія» дѣлала галопъ великолепно, и вдругъ захромала. Скакать на «Валетѣ»? Доэ его хвалить, но по-моему эта кляча, даже въ счастливомъ случаѣ, можетъ быть лишь съ мѣстомъ, то-есть третьей. А развѣ это спасетъ меня?—Онъ горько усмѣхнулся.—Да, вѣроятно, это будетъ моя послѣдняя скачка. И прѣпечальная...

Свою «Гортензію» Гриммъ приобрѣлъ при посредничествѣ Петермана отъ извѣстнаго торговца лошадьми. И Петерманъ отлично зналъ, что взятые Гриммомъ призы на скачкахъ давно уже и въ избыткѣ покрыли всѣ расходы по покупкѣ этой лошади.

Съ минуту Гриммъ размышлялъ, не послать ли Петерману въ счетъ уплаты двѣ тысячи, оставшіяся у него отъ вчерашняго выигрыша, и тѣмъ, можетъ-быть, склонить его на отсрочку. Но онъ тотчасъ же покачалъ головою.

— Нѣтъ, Петерманъ не пойдетъ больше ни на какія сдѣлки. Уже краткость его отвѣта на письмо сказала достаточно. Отъ него другого нельзя было и ждать.

Гриммъ мысленно перебралъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. Нѣтъ, ни да кого изъ нихъ нельзя разсчитывать. Конечно, если бы дѣло шло о какихъ-нибудь трехъ или четырехъ сотняхъ марокъ. Тогда дѣло другое. Его пріятель, графъ Ведель, женатый на богаткѣ, послѣ своей свадьбы не разъ выручалъ его такими суммами. Но дать ему требуемую сейчасъ сумму онъ былъ не въ состояніи.

— Нужно чѣм-нибудь кончить! Такъ или иначе! Это моя послѣдняя скачка.

Денщикъ съ трудомъ сдерживалъ вороного. Гриммъ вскочилъ на переднее сидѣнье, схватилъ вожжи, и легкій экипажъ быстро покатился. Денщикъ еле успѣлъ вскочить на свое мѣсто. Гриммъ далъ вороному волю, и онъ помчался еще быстрее.

— Нужно, нужно кончить! — безпрерывно бормоталъ Гриммъ. — Нужно отрѣзать себѣ отступление. Поставлю на «Валета»... — Однако такое безумное рѣшеніе его испугало и смутило. — При сегодняшней конкуренціи это сумасбродство! «Волшебница» съ маленькимъ Реймансомъ, «Туча» съ Рейценштейномъ, «Водопадъ» съ Брахмайеромъ, «Крэмъ» съ Сольмсомъ, «Теноръ» съ Веннингенномъ и — безызвѣстный «Валетъ» со мной! Полное, разсчитанное самоубійство! Но — я такъ хочу! Нужно, нужно кончить!

Всѣ экипажи, за исключеніемъ запасшихся особыми билетами, останавливались за трибуной. Гриммъ направился туда же.

Прибывъ на площадку передъ трибуной, Гриммъ свернулъ направо, гдѣ находились кассы тотализатора. Его окружили офицеры и статскіе и весело привѣтствовали его. Онъ отвѣчалъ тѣмъ же. Затѣмъ онъ отправился къ конюшнямъ.

— Эй, дружище! Гриммъ! — раздалось позади него. Около него уже стоялъ маленький гусаръ Реймансъ. — Гриммъ, скажи-ка на милость, голубчикъ, въ программѣ, конечно, опечатка... Ты хочешь скакать на «Валетѣ»? Это что за лошадь? Сколько мнѣ помнится, его какъ-то пустили на скачку, но онъ жестоко осрамился. Скажи, ради Бога, откуда ты добылъ его? Почему ты не на «Гортензіи»?

— По неволѣ. «Гортензія» захромала.

— Захромала? Тысячу чертей! Вотъ такъ неудача!

— Тѣмъ выйдешь для тебя съ твоей «Волшебницей».

— Дружѣ! Развѣ ты считаешь меня корыстолюбцемъ?

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать, товарищъ.

— То-то! Во всякомъ случаѣ Гримму подобаетъ скакать на лучшей лошади.

Гриммъ пожалъ плечами.

До начала скачки оставалось еще полчаса. Гриммъ дошелъ до трибуны. Навстрѣчу ему шелъ графъ Ведель съ двумя дамами. За ними показались мистеръ Файербанкъ. Въ одной изъ дамъ Гриммъ тотчасъ же угадалъ миссъ Виолетъ, хотя никогда не видалъ ее прежде. Ведель его представилъ ей. Миссъ Виолетъ безцеремонно подвергла его тщательному осмотру и тотчасъ же съ нимъ заговорила. Ея курьезный выговоръ и коверканье плохо знакомаго ей языка чуть не разсмѣшили Гримма. Онъ, въ свою очередь, началъ ее разсматривать. Симпатичное овальное личико, съ глубокими свѣтло-голубыми глазами, не опускавшимися ни передъ чѣмъ взоромъ, и характерная особенность — совершенно прямыя, почти сросшіяся надъ переносицею брови, нѣсколько широковатый носъ и чуть-чуть опущенные углы небольшого прелестнаго ротика. Громадная шляпа «Гейнсборо» какъ нельзя лучше отбѣнила и обрамляла это оригинальное личико. Ея свѣтло-бирюзовый, отбланный брюссельскими кружевами, костюмъ свидѣтельствовалъ о ея изящномъ вкусѣ и умѣньи одѣваться.

Отъ Веделя она узнала, что Гриммъ сегодня будетъ скакать не на вчерашней побѣдительницѣ, а на чужой лошади.

— Какъ называютъ лошадь, который ми сегодня скачемъ?

— «Валетъ», миссъ.

— Это — чужой лошадь?

— Точно такъ, миссъ. Собственность капитана Лозъ.

— Кто — капитанъ Лозъ?

— Лозъ — это псевдонимъ владѣльца лучшихъ скаковыхъ лошадей.

— Но почему ми не скачемъ на своей лошади? Ми имѣемъ только одинъ лошадь?

— У меня есть еще двѣ чистокровныя лошади, миссъ, но я не захотѣлъ на этотъ разъ пустить ихъ на скачку.

— А почему ми не захотѣлъ?

Гриммъ пожалъ плечами. Не могъ же онъ прямо сказать ей, что это не дозволяютъ его средства: — ихъ нельзя записать, пока не будетъ заплачено Петерману.

— Развѣ я могъ предположить, что «Гортензія» вдругъ захромаетъ? — возразилъ онъ миссъ Виолетъ.

— И ми можемъ на «Валетѣ» выиграть?

— Плохо надѣюсь на это, миссъ.

— Ми должны выиграть, сэръ! — Въ словахъ ея звучало нѣчто похожее на приказаніе.

Между бровей Гримма легла складка. Почему эта англичанка позволяетъ себѣ ему приказывать?

Гриммъ полуобернулся, чтобы скрыть свою досаду, и началъ разсматривать сидѣвшее на трибунѣ блестящее, нарядное общество. Вдругъ онъ взялся за бинокль, направилъ его на одно мѣсто на трибунѣ и заволновался, поспѣшно откланился миссъ Файербанкъ, графинѣ и, жестомъ руки остановивъ пріятеля, собиравшагося что-то спросить у него, быстро направился къ трибунѣ.

— Shoking! — пустила ему вслѣдъ миссъ Виолетъ.

Гриммъ поспѣшно поднялся по средней лѣстницѣ на трибуну. Онъ не ошибся. Въ одной изъ ложъ сидѣла полковница фонъ-Рейценштейнъ съ дочерьми, а позади нихъ, прислонясь къ периламъ, стояла Ирма.

Сердце Гримма неистово забилося, какъ только онъ ее увидѣлъ.

Какъ будто для отличія отъ всѣхъ разодѣтыхъ въ роскошныя туалеты дамъ, на ней было простое бѣлое платье. Но она казалась въ немъ лучезарной феей. Какъ онъ могъ хоть на одну минуту

позволить себѣ заняться проектомъ женитьбы на англичанкѣ! Ему казалось, что онъ совершилъ святотатство.

Увидавъ его еще издали, Ирма поднялась, и онъ, незамѣченный семей полковника, подошелъ къ ней сзади.

— Ирма! — сказалъ онъ чуть слышно.

Она быстро обернулась и посмотрѣла ему въ глаза.

— Гриммъ! — прошептала она, затѣмъ довольно громко прибавила: — У васъ очень утомленный видъ, господинъ поручикъ.

Слова эти поразили Гримма въ самое сердце. Да, это вполнѣ похоже на Ирму. Она главнымъ образомъ видѣла въ немъ не фздока, а человѣка, близкаго ей. Губы его беззвучно зашевелились. Однако его уже успѣли замѣтить.

— А, господинъ поручикъ! — воскликнула одна изъ дѣвицъ фонъ-Рейценштейнъ, бросивъ злобный взглядъ на Ирму.

Слова ея заставили обернуться въ его сторону мать и другую сестру. Онѣ забросали его вопросами.

— Намъ хотѣлось бы попытать счастья на тотализаторѣ, — говорили дамы. Онѣ рѣшили спросить совѣта у Гримма, на какую лошадь имъ поставить.

— Въ слѣдующей скачкѣ съ препятствіями фавориткой будетъ «Волшебница».

— А «Валетъ», на которомъ скачете вы? — спросила старшая барышня.

Онъ пожалъ плечами.

— Едва ли онъ придетъ.

— Такъ не будете ли вы такъ любезны взять намъ два билета на «Волшебницу»?

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыни.

Гриммъ отправился къ тотализатору исполнять порученіе, то есть поставить два ординара на «Волшебницу». Мысленно же онъ занимался своей собственной ставкой. Да, надо поставить на «Валета». Онъ досталъ изъ бумажника четыре бумажки по 500 и взялъ 40 ординаровъ въ 50-рублевой кассѣ на «Валета». Кассиръ думалъ, что онъ ослышался, и переспросилъ. Да, на шестой номеръ, на «Валета» — 40 билетовъ. И кассиръ началъ отсчитывать ему билеты.

Въ 50-рублевой кассѣ это была первая ставка на «Валета». Играли на «Волшебницу» и на «Водопада».

Около ложи Рейценштейновъ онъ встрѣтилъ нѣсколько кавалеристовъ. Это помогло ему, послѣ передачи барышнямъ билетовъ, тотчасъ же ретироваться. Ирма стояла въ проходѣ, за ложей.

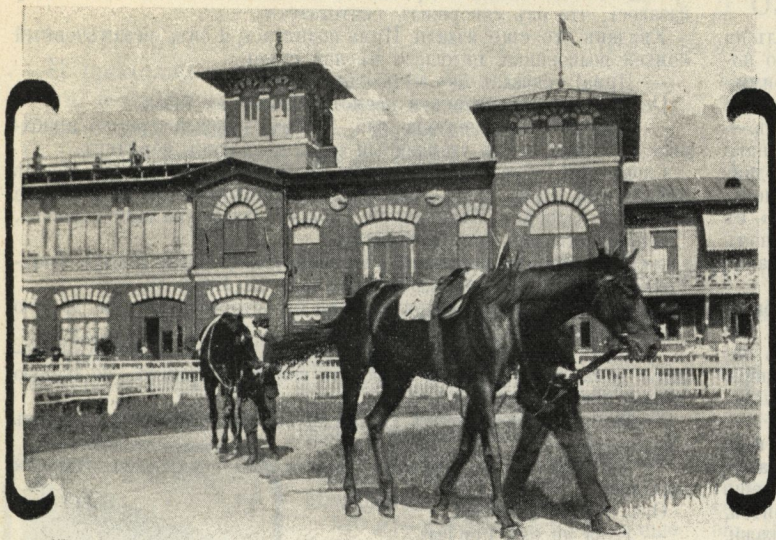
— Я буду съ тобой, когда ты будешь скакать, — прошептала она чуть слышно.

Трибуна была полна народа. Лицо каждаго выражало напряженное ожиданіе.

«Водопадъ» еще былъ на вѣсахъ. Около него стоялъ его наѣзникъ подполковникъ Брахмайеръ. Кирасиръ графъ Сольмсъ сидѣлъ уже на своемъ «Крэмѣ». Подъѣзжалъ и драгунскій ротмистръ фонъ-Рейценштейнъ на «Тучѣ», а за нимъ гвардейскій поручикъ фонъ-Веннингенъ на «Тенорѣ». Два коноха держали подъ уздцы «Валета». Капитанъ Лозъ и нѣсколько спортсменовъ составляли вокругъ нихъ группу. Гриммъ вышелъ изъ уборной.

У призовой вышки.

Послѣ скачки.

Капитанъ Лозъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Поручикъ, прошу васъ только объ одномъ — дайте «Валету» полную волю. Полную волю! Вы увидите, что будетъ. Увидите!

Гриммъ отнесся къ словамъ его совершенно безучастно.

— Вы, кажется, считаете эту скачку безнадежной? Но примите во вниманіе всѣхъ. «Волшебница» 3 пуда 32 фунта, «Туча» — 3 п. 18 ф., «Водопадъ» — 3 п. 39 ф., «Крэмъ» — 3 п. 20 ф., «Теноръ» — 3 п. 22 ф., а «Валетъ» — всего 3 пуда. Это вслѣдствіе его послѣдней неудачи. Вы увидите, какую рѣзвость онъ теперь покажетъ. Только дайте ему волю, поручикъ, только полную волю! При малѣйшемъ принужденіи онъ начинаетъ упорствовать.

Гриммъ прервалъ его.

— Простите, капитанъ, — Лозъ очень любилъ, когда спортсмены его такъ называли: — скажите по совѣсти, вы сами ставили на «Валета»?

Онъ смотрѣлъ на него пронизывающимъ пытливымъ взоромъ.

Элегантный спортсменъ видимо смутился.

— Я никогда не ставлю на своихъ лошадей, поручикъ, принципиально не ставлю.

— Вотъ какъ?

«Валетъ» стоялъ съ дрожащими шенкелями. Изъ ноздрей его текла бѣлая пѣна. Раздался звонъ шпоръ. — Го! — Группа разступилась. Гриммъ уже сидѣлъ на сѣдлѣ. Ыздокъ и конь казались отлитыми изъ одной формы. Шенкеля «Валета» снова задрожали. Онъ непосредственно сдѣлалъ рѣзкій прыжокъ и тотчасъ же снова сталъ, какъ вкопанный, замотавъ головою, и пѣна изъ ноздрей его полила сильнѣе. Шенкеля больше не дрожали. Онъ, очевидно, покорился и охотно сталъ повиноваться Ыздоку.

Гриммъ направилъ его къ вѣсамъ, съ которыхъ только-что сошелъ Реймансъ съ «Волшебницей».

— Вотъ тебѣ разъ, Гриммъ! — закричалъ зеленый гусарь. — Что я слышу? 3 пуда! Лучшие скаки ужъ на мухъ.

Начался выѣздъ легкимъ галопомъ. Тысяча биноклей направилась на стартъ, гдѣ стали первно выравниваться всѣ шесть лошадей. Стартеръ поднялъ флагъ, затѣмъ опустилъ его. Всѣ шесть лошадей помчались стрѣлой. На трибунѣ раздалось:

— Какой великолѣпный стартъ! Впрочемъ, неудивительно, разъ собрались всѣ лучшіе Ыздоки.

Вотъ первое препятствіе. Го! всѣ перескочили его вмѣстѣ. «Валетъ» задержалъ удилами. Гриммъ, противъ своей привычки, далъ ему волю: вѣдь онъ сегодня скакать по инструкціи — «Валетъ» тотчасъ же усилилъ пейсы и опередилъ другихъ.

— Дружище, ты, кажется, хочешь улизнуть? — слышалъ онъ позади себя голосъ маленькаго Рейманса.

Приближались къ сухой канавѣ. «Валетъ» шутя перескочилъ ее первымъ. Гриммъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, подавшись впередъ, какъ опытный жокей.

— Да скачу ли я или нѣтъ? — спросилъ онъ самъ себя.

Онъ приближался къ трибунамъ — предстоялъ еще цѣлый кругъ. Изъ рублевыхъ трибунъ публика поощрительно привѣтствовала его:

— Ну-ка, «Валетъ», бей тузовъ!

«Валетъ» еще усилилъ рѣзвость.

— Да скачу я или нѣтъ? — подумалъ Гриммъ снова.

При этомъ онъ вспомнилъ Ирму, какъ стояла она на трибунѣ, точно прислуга своихъ кузинъ! Офицеры, бесѣдовавшіе съ кузинами, стояли къ ней спиной. Его невольно покорило. При этомъ онъ, вѣроятно, дернулъ за поводъ, такъ какъ «Валетъ» умѣрилъ свой ходъ.

— Дайте ему волю! — вспомнилось ему, и онъ снова ослабилъ поводья.

«Валетъ» пошелъ увѣренно и спокойно. Слѣдующее препятствіе — дощатый заборъ — взялъ онъ безъ всякаго труда, затѣмъ легко и чисто пронесся еще надъ сухой канавой, миновалъ вторую, болѣе высокую стѣну, затѣмъ и глубокой ровъ, вырытый недалеко отъ трибунъ, съ словыми изгородями по обѣ стороны. На трибунѣ голоса шумѣли, какъ водопадъ. Гриммъ видѣлъ сотни мелькающихъ въ воздухѣ платковъ.

— Въ числѣ ихъ навѣрное и платокъ Ирмы, — подумалъ онъ. — Вѣдь она сказала: я буду съ тобою.

Но передъ нимъ было уже слѣдующее препятствіе.

Го! го! — онъ быстро перескочилъ его.

Въ этомъ мѣстѣ валь былъ значительно выше. Гриммъ не могъ не оглянуться на сѣдлѣ. Противникъ былъ отъ него далеко. Онъ возликовалъ въ душѣ. Что, если «Валетъ» побѣдитъ? Вотъ будетъ выдача въ тотализаторѣ! Навѣрно, 200 на 10. Фантазія его разыгралась. Мѣсто своихъ 2000 онъ вдругъ получить 40.000, а то и больше... Онъ даже покачулся въ сѣдлѣ. Что онъ будетъ дѣлать, если побѣдитъ? Конечно, заплатить долги, представить реверсъ, женится на Ирмѣ и — никогда, никогда болѣе не будетъ скакать. Никогда! Въ этомъ онъ даетъ себѣ клятву. Ему казалось, что Ирма припала къ плечу его. Да, онъ долженъ побѣдить! Ради Ирмы! Онъ долженъ побѣдить во что бы то ни стало! Мысль эта все сильнѣе и сильнѣе имъ овладѣвала, и, полный ею, онъ хотѣлъ какъ можно смѣлѣе пронестись надъ буковой изгородью. Онъ въ первый разъ далъ «Валету» хлыста.

«Валетъ» закинулся отъ удара. Около изгороди онъ заупрямился и хотѣлъ броситься въ сторону. Гриммъ сталъ яростно бить его, пустилъ въ ходъ шпоры, шенкеля и трензеля. Онъ изнемогалъ. «Валетъ» же все больше и больше упрямился.

Весь обливаясь потомъ, Гриммъ почувствовалъ страшный ознобъ. Глаза его расширились отъ ужаснаго сознанія: побѣда была въ рукахъ, мечта всей его жизни была такъ близка къ осуществленію и... и...

Наконецъ ему удалось-таки овладѣть собою. Съ желѣзной силой заставилъ онъ «Валета» повиноваться и взять препятствіе. Но какой это вышелъ жалкій прыжокъ! Заднія копыта его ударились о дерево, къ которому была прирѣзана изгородь. «Валетъ» капризно замотавъ головою и началъ дѣлать новыя попытки закинуться. Гриммъ снова ударилъ его хлыстомъ. Вслѣдствіе этого онъ пошелъ рѣзкимъ, короткимъ галопомъ, и, несмотря на всю опытность Ыздока и на все напряженіе силъ, Гриммъ уже не могъ заставить его идти скорѣе.

— Го! го! — раздалось вдругъ позади него.

Послѣ побѣды, у вѣсовъ.

— Что же ты, бѣлец? — закричал ему Рейманс, спокойно промелькнувъ мимо него.

За нимъ слѣдовалъ Брахмайеръ на «Водопадѣ», Рейценштейнъ на «Тучѣ», Веннингенъ на «Тенорѣ» и Сольмсъ на «Крэмѣ».

Уже разстояніе между нимъ и Сольмсомъ съ секунды на секунду увеличивалось. Вдругъ до него донеслись громкіе крики публики. Вглядѣвшись внимательно впередъ, онъ замѣтилъ у послѣдняго препятствія какой-то беспорядокъ. Не случилось ли какого несчастія?

Гриммъ воспрянулъ духомъ. Онъ похлопалъ «Валета» по крупу. «Валетъ» зафыркалъ сильнѣе и помчался во весь опоръ.

Теперь Гриммъ уже видѣлъ, въ чемъ дѣло. Передъ опаснымъ препятствіемъ лежали на землѣ «Туча» и «Теноръ». «Волшебница», ведшая скачку, застряла у самой изгороди, изъ-за чего Брахмайеръ на «Водопадѣ», слѣдовавшій непосредственно за ней, не могъ тоже взять препятствіе. Рейценштейнъ на «Тучѣ», несмотря на это, все-таки отважился на прыжокъ, но упалъ, а Веннингенъ на «Тенорѣ» — на него. Сольмсъ же во-время успѣлъ остановить своего «Крэма».

Гриммъ промчался мимо упавшихъ и гладко перескочилъ опасную преграду. — Го! го! — за нимъ ее перескочили и Рейманс, Брахмайеръ и Сольмсъ, успѣвшіе собраться съ духомъ.

Скакавшіе уже приближались къ цѣли. Реймансъ громкимъ крикомъ и ударами хлыста заставилъ «Волшебницу» податься впередъ. Требовалось напряженіе всѣхъ силъ. «Волшебница» пронеслась мимо «Валета». Проскользнула и голова «Водопада», а затѣмъ стали видны только его копыта. Сольмсъ на «Крэмѣ» также былъ у сѣдла «Валета».

У Гримма дрожали каждый нервъ. Онъ уже занесъ хлыстъ, чтобы ударить имъ «Валета», но во-время опомнился и ласково потрепалъ его по крупу. Тотъ помчался еще рѣзвѣе. «Крэмъ» отсталъ. «Водопадъ» все быстрѣе и быстрѣе мчался впередъ, однако «Валетъ» уже не отставалъ отъ него. Теперь уже оба скакали въ близкомъ разстояніи отъ «Волшебницы». Реймансъ принялся яростно хлестать ее. Будучи также хорошимъ ѣздокомъ, онъ не хотѣлъ уступить побѣду. Го! го! — удары хлыста сыпались градомъ. «Водопадъ» и «Валетъ» уже были у сѣдла «Волшебницы». — Го! го! — Вотъ они уже шли съ ней голова въ голову. На «Волшебницу» и «Водопада» удары такъ и сыпались. «Валетъ» же подъ Гриммомъ шелъ свободно, въ рукахъ, рѣзвымъ галопомъ.

— Го-о-о! — кричалъ онъ, ободряя «Валета».

Какъ сквозь красную дымку видѣлъ онъ, какъ голова и шея «Валета» выдались впередъ, впереди всѣхъ лошадей, слышалъ, что почва подъ нимъ какъ будто гремяла. Съ трибуны несли глухой рокотъ.

— Го! го! го! — слышалъ Гриммъ уже позади себя.

Крики на трибунѣ становились бурными.

Гриммъ первый прошелъ столбъ.

Онъ побѣдилъ на полкорпуса.

«Побѣдилъ!» — закриковалъ онъ въ душѣ. — Побѣдилъ!»

Не сознавая, что дѣлаетъ, онъ натянулъ поводья. «Валетъ» разомъ взвился на дыбы. Гриммъ широкой дугой полетѣлъ изъ сѣдла на землю. Онъ почувствовалъ глухой ударъ, затѣмъ лишился сознанія.

Гриммъ пришелъ въ себя только къ вечеру, въ полковомъ лазаретѣ, куда его перенесли съ ипподрома.

— Ну, какъ дѣла, докторъ? — спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Опасности для жизни не предвидится, но, конечно, придется полежать нѣсколько недѣль, а пока — безусловный покой.

На слѣдующее утро Гриммъ снова обратился къ врачу съ тѣмъ же вопросомъ. На этотъ разъ врачъ позволилъ себѣ нѣкоторыя подробности. Сломана правая ключица, вывихнуто лѣвое бедро — остальное параличи. Чтобы нѣсколько ободрить и утѣшить пациента, онъ сообщилъ ему, что многие приходили о немъ спрашивать. Нѣкоторыхъ онъ просилъ навѣстить его вечеркомъ. Затѣмъ онъ заговорилъ о вчерашней скачкѣ, о побѣдѣ Гримма и поздравилъ его.

— А выдача-то двѣсти девяносто на десять — не шуточная, — продолжалъ онъ. — Вѣдь всѣ, всѣ деньги были поставлены на «Волшебницу».

Бѣдное лицо больного загорѣлось яркимъ румянцемъ. Онъ силится приподняться.

— Лежите, лежите смирно. Что это съ вами? — спросилъ встревоженный докторъ.

— На десять двѣсти девяносто, — пробормоталъ Гриммъ.

— Вы ставили что-нибудь на «Валета», поручикъ? — спросилъ заинтересованный докторъ.

— Двѣ тысячи! — проговорилъ тотъ медленно.

— Двѣ тысячи! Это будетъ, — онъ началъ считать: — это будетъ пятьдесятъ восемь тысячъ! Просто невѣроятно!

Гриммъ тихо сложилъ руки. Онъ думалъ объ Ирмѣ. Теперь она — его! Имъ овладѣло блаженное сознаніе будущаго счастья. Теперь онъ уплатитъ долги, продастъ лошадей, и даже вырученныхъ за нихъ денегъ въ избытокъ хватить на реверсъ. Затѣмъ онъ похлопочетъ о переводѣ въ интендантство или въ ремонтные кадры, такъ какъ о верховой ѣздѣ съ поврежденнымъ бедромъ уже нечего болѣе и думать.

— Да, это была моя послѣдняя скачка, — пробормоталъ онъ.

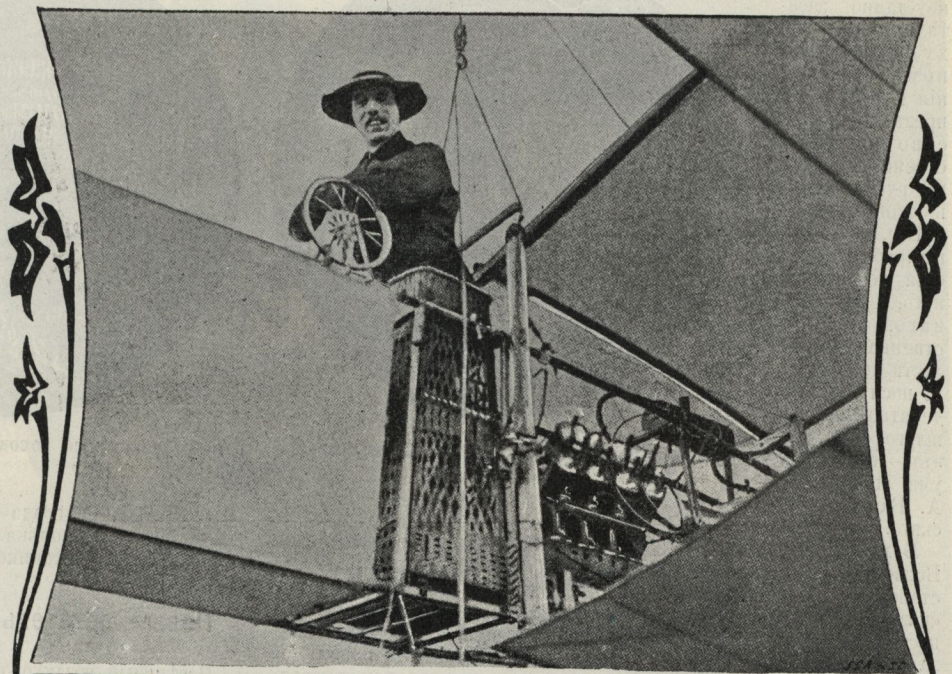
Онъ заснулъ, набожно сложивъ руки.

Проснувшись послѣ спокойнаго, благотворнаго сна, онъ увидѣлъ, что надъ нимъ наклонилось изящное личико.

— Ирм! — прошептала она еще въ полуснѣ.

Затѣмъ онъ узналъ и другихъ посѣтелей: полковницу фонъ-Рейценштейнъ, графиню Ведель и мужа ея, своего старика, добраго друга.

И дрожавшею рукою онъ сжалъ руку Ирмы.

Сантосъ-Дюмонъ на своей новой летательной машинѣ.

Двигательный аппаратъ летательной машины Сантосъ-Дюмона на буксирѣ у ослика.

И. А. Всеволожской. (Портр. и рис. на стр. 510 и 511).

Русское искусство и, главным образом, русский театр пережили на днях — 10 августа с. г. — один из редких дней в своей истории: лучшие деятели нашей сцены прошли мысленным взором одну из блестящих страниц в истории родного искусства, — подвели итог большой артистической жизни глубокого художника, чувствуя полувекую деятельность незабвенного в летописях нашего театра Ивана Александровича Всеволожского.

Весь отдавшийся за последние семь лет Эрмитажу, в качестве директора этого крупнейшего нашего храма искусства, одного из главнейших хранилищ его, И. А. Всеволожской увековечил свои заслуги все-таки же не в этой широкой и почетной деятельности руководителя одной из знаменитейших галерей в Европе, а на другом, близком к ней, поприще — в качестве директора императорских театров.

Почти двадцать лет руководил И. А. судьбами русской образцовой сцены.

Посвятивший себя вначале, по окончании курса в с.-петербургском университете, дипломатической карьере, побывавший русским атташе в Гааге и в Париже, И. А. в 1881 г., после восшествия на престол императора Александра III, перешел на более ему близкое поприще директора императорских театров. Таким образом первую четверть века И. А. посужил дипломатии, а вторую — посвятил себя чистому искусству.

Эта вторая четверть века была для И. А. собственно не управленiem императорскими театрами, а служением русскому театру; неустанно заботился он о его художественном процветании и о развитии через его посредство художественного вкуса в русском обществе.

Все, что дал и выработал русский театр яркого, талантливого, художественного в области постановки за последние два десятилетия прошлого века, все это — создание ума и воли И. А. Всеволожского.

Большой художник в душе, великодушный рисовальщик И. А. Всеволожской сам нарисовал и скомпоновал целый ряд постановок опер и балетов для императорской сцены. Довольно сказать, что он создал более 1000 рисунков костюмов и постановок; но этим И. А. не ограничивался, он сам следил за выполнением своих оригинально задуманных проектов. Мало того, что он умело подбирал художественно гармонизированные тона материй для костюмов, предназначенных для всех театральных персонажей, начиная с самых главных и кончая последними хористами, — И. А. кроме того внимательно следил за выполнением костюмов, аксессуаров и декораций.

Что это была за работа, могут понять и оценить те, кто стоял близко к этому делу. Впоследствии это оценила сама публика, увидевшая, как за время с 1881 по 1899 г. прошло перед ее глазами более 25 опер и балетов, буквально целиком поставленных по рисункам И. А. Были постановки, где И. А. делал более чем по 70 рисунков костюмов и аксессуаров (напр., балет «Спящая красавица»).

Если в большей части постановок И. А. блестяще сказался оригинальный талант художника, то были и такие, где И. А. проявил исключительно богатый запас исторических знаний, редкого художественного чутья и творческой фантазии (напр., опера «Пиковая дама»).

Все это вместе и создало славу нашему образцовому театру, где художественность и верное эпох богатство обстановки возвышали душу зрителя, давали наслаждение и отдых его пробужденной прекрасному душе, развивали в нем самое чувство красоты.

Это стремление И. А. чтобы русский образцовый театр стоял всегда на высоте призвания, сказывалось во всем — как в художественном, так и в административном отношении. Все, что есть у нас блестящего, выдающегося в отношении талантов, все те столпы и могиканы родной сцены, которые составляют ее славу и гордость, — все это если не создано, то развито и окрепло во время управления нашими императорскими театрами

И. А. Всеволожского, имя которого свято и незабвенно для каждого русского артиста.

Выдающийся талант художника, которым столь одарен И. А. Всеволожской, само собою предугадывал для него, после неустанных 20-летних трудов, почетный, более спокойный пост — директора императорского Эрмитажа.

Назначенный на этот пост в 1899 г., И. А. до сих пор занимается его и, несмотря на слабые силы, вызванные болезнью, вкладывает всю душу в это большое дело.

Перемахнув 21 мая прошлого года за почетный 70-летний возраст, И. А. всего себя посвящает заботам об Эрмитаже хлопотать о его нуждах в смысле постепенного увеличения числа его сокровищ, предпринимает издания указателей и каталогов всего, что есть выдающегося в Эрмитаже. И постепенно эти добрые идеи И. А. осуществляются. Уже издан каталог картин, готовится к изданию каталог антикварных и приготавливается толковый иллюстрированный каталог арсенала.

Каталоги эти — драгоценные путеводители среди несметных сокровищ искусства, хранившихся в Эрмитаже, и появление их в свет сразу повысит число посетителей Эрмитажа, при чем посещения эти будут, конечно, и более сознательными.

Мы воспроизводим здесь интересный фотографический снимок И. А. Всеволожского, стоящего как бы на своем посту — у вверенных его попечению сокровищ, в одной из зал Эрмитажа.

Вместе с тем мы помещаем великодушное исполненное медаль, выбитую сослуживцами и сотрудниками И. А. по Эрмитажу в честь исполнившегося 10 августа с. г. 50-летия его служебной деятельности. Портрет на одной стороне медали — работы г. Григилеса-сына, а рисунок на другой стороне медали — работы нашей известной скульпторши М. Л. Диллонь.

Выбитие медали в честь юбиляра — факт очень редкий и почтенно исключительный. Но можно сказать лишь, что этот факт говорит сам за себя. Это — исключительная награда за исключительные заслуги исключительно выдающегося человека. Это — посильная дань уважения со стороны почетных тружеников родного искусства своему почетному руководителю.

Вместе с тем мы помещаем великодушное исполненное медаль, выбитую сослуживцами и сотрудниками И. А. по Эрмитажу в честь исполнившегося 10 августа с. г. 50-летия его служебной деятельности. Портрет на одной стороне медали — работы г. Григилеса-сына, а рисунок на другой стороне медали — работы нашей известной скульпторши М. Л. Диллонь.

Новый летательный прибор Сантось-Дюмона.

(Рис. на стр. 509).

Известный воздухоплаватель Сантось-Дюмон продолжал изобретать новые летательные аппараты, добываясь великой и до сих пор кажущейся неразрешимой задачи *управляемости* аэростатов. Прошлой зимой он начал строить еще одну машину (№ 14), которая оказалась лишь новой ступенью в разрешении вопроса воздухоплавания. Новый аэроплан заинтересовал своей конструкцией всех лиц, занимающихся вопросами воздухоплавания. На аппарате установлен мотор Левассера в 24 лошадиные силы, который приводит в движение алюминиевый винт. Управление летательной машиной производится посредством особого приспособления: это — чудо изобретательности. Приспособление это находится в передней части прибора и расположено таким образом, что, по желанию воздухоплавателя, может получать наклон вверх, вниз, вправо или влево, сообщая таким образом всему летательному прибору ту девиацию (отклонение), которую он принял сам. Принцип оказался простым, но над практическим применением этого принципа Сантось-Дюмон, этому талантливому и отважному изобретателю управляемых летательных приборов, придется еще много поработать.

Сердце воина. (Рис. на стр. 500).

Кому не знакома трогательная сцена прощания Гектора с Андромахой? В этой сцене, воспринятой древнейшим поэтом, так много человечности, так много общего всем векам и народам чувства, что она перешла грани всех веков и волнует наши сердца живым откликом. Разве мало было, например, Гекторов и Андромах у нас, в России, во время недавней войны?

Художник Ф. Лэке воспроизвел в своей картине ту же сцену прощания воина с любимой женщиной. Как ни мужественно,

Медаль, выбитая в честь И. А. Всеволожского его сотрудниками по поводу 50-летия его служебной деятельности.

Директоръ Императорскаго Эрмитажа И. А. Всеволожской.
По поводу 50-лѣтія его служебной дѣятельности.

как ни закалено сердце война, но приходит такой момент, когда и оно рвется на части и тает в слезах. Никакой враг не в состоянии поразить его; никакая злоба не побуждает его; но любовь и жалость терзают это гордое сердце и отнимают у него силу и гордость.

Передъ казнью. (Рис. на стр. 501).

Картина А. Шварца «Предъ казнью» восстанавливает предъ нами жуткія настроенія средневѣковья, когда казнили и пытали женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, обвиня ихъ въ колдовствѣ, въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и т. п. Несчастныхъ жгли, четвертовали, топили въ рѣкѣ, и всѣмъ этимъ казнямъ предшествовало ужасное, чудовищное по несправедливости, судбище. Не менѣ жестоки пытки и казни ожидали также и женщинъ-дѣтубійцъ. Вспомнимъ, напримѣръ, Маргариту въ «Фаустѣ». Картина нѣмецкаго художника напоминаетъ трагическую исторію гётевской героини, исторію столь хорошо извѣстную всѣмъ намъ не только благодаря трагедіи Гёте, но и благодаря чудной оперѣ Гуно.

Хожденіе въ народъ. (Рис. на стр. 504).

Было время въ Россіи, когда интеллигентные слои населенія какъ-то вдругъ, подъ вліяніемъ момента, вспомнили, что у насъ существуетъ «народъ». Крестьянство, бывшее до той поры лишь «ревизскими душами», сдѣлалось, въ глазахъ нашей интеллигенціи, живыми людьми съ живыми чувствами и страданіями. Мало того, считалось возможнымъ позаимствоваться многимъ отъ народа, поучиться у него.

Это было въ ту эпоху, когда только-что свершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного ига. Романы Григоровича и произведенія писателей-народниковъ, Н. Успенскаго, О. Рѣшетникова и др. подогрѣли и укрѣпили интересъ къ народу. И вотъ тогда-то начались знаменитыя «хожденія въ народъ». Интеллигенты оставляли свои интеллигентскія привычки и отправлялись въ деревни, пожить среди крестьянъ, познакомиться съ ними, поучиться у нихъ. Много курьезнаго было въ этихъ хожденіяхъ, при всей симпатичности ихъ: «бары», при всемъ своемъ добромъ желаніи, не могли вполне «слиться съ народомъ» и оставались барями на смѣхъ и удивленіе крестьянамъ. Возникали взаимныя недоразумѣнія, непониманія другъ друга.

Картина И. А. Владимірова, названная имъ: «Благотворительница», съ тонкимъ юморомъ изображаетъ сценку подобнаго соприкосновенія барства съ крестьянствомъ. Дама-благотворительница считаетъ себя обязанной сойтись съ «народомъ» поближе, помочь ему. Но «народъ» такъ некрасивъ, грязенъ и бѣденъ и такъ страненъ для нея, что она не рѣшается сама лично «войти съ нимъ въ соприкосновеніе» и сноситъ съ нимъ чрезъ лакея, а сама лишь поглядываетъ на народъ въ лорнетъ...

На Ближнемъ Востокѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Всего только нѣсколько десятилѣтій назадъ Востокъ всѣмъ казался странною мертватою покоемъ и неподвижностью. «Не боюсь я Востока»,—отвѣчалъ Казбекъ:—родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ». И дѣйствительно, чуть не вся Азія была похожа на великое кладбище уснувшихъ цивилизацій. Величественныя руины Вавилона и Ниневіи, умершая память великой персидской монархіи, пирамиды засыпаемаго пескомъ Египта,—все говоритъ о смерти прошлаго. Народы, пережившіе себя, пребываютъ въ социальной летаргіи, продолжающей цѣлые вѣка. Ряды новыхъ поколѣній приходятъ и уходятъ безслѣдно, ничего не прибавляя къ исторіи своего народа. Они ничего не творятъ, они даже, строго говоря, не живутъ, а только преемственно хранятъ сѣмена жизни для грядущаго пробужденія, созерцательно и самоуглубленно ждутъ своего будущаго. Таковъ Востокъ—безжизненный,

нѣмой и недвижный, величественный въ своемъ прошломъ, ничтожный въ настоящемъ, грозно-загадочный въ будущемъ. На Западе-слагаются новыя формы жизни, работаетъ научная мысль, рождается новая могущественная цивилизація, не знающая спокойствія, живущая въ стремительномъ бѣгѣ безъ отдыха, шумная, какъ горный потокъ. Ея безпокойная энергія шумнымъ вихремъ врывается въ мировую жизнь и нарушаетъ мертвый покой Востока. Великанъ пробуждается. Японія первая усвоила техническую культуру Европы и показала міру колоссальную силу восточнаго фанатизма, вооруженнаго всѣми орудіями западной цивилизаціи. Китай, безконечно болѣе громоздкій и бытовой, вступаетъ по ея слѣдамъ на тотъ же путь, но, именно благодаря своей громоздкости и непроборимой силѣ бытовыхъ началъ, общаетъ претворить западныя вліянія въ нѣчто въ высшей степени самобытное и своеобразное. Отъ народа къ народу передается толчокъ пробужденія, и когда-то нѣмая страна Востока начинаютъ оглашаться новыми звуками. Англійскія газеты переполнены свѣдѣніями о патристическо-культурномъ движеніи въ Индіи, пока еще глухомъ и мало опредѣлившимся. Черезъ всю Азію волна политическаго возрожденія докатилась и до сосѣднихъ съ нами странъ—Персіи и Турціи.

Объ онѣ безконечно ближе къ намъ и поэтому скорѣе успѣли воспринять отрицательныя вліянія европейской цивилизаціи. И въ Персіи, и въ Турціи, и въ Египтѣ общеніе высшихъ, правящихъ классовъ съ Европой привело къ глубокой духовно-культурной розни между высшими и низшими слоями населенія. Духовно-национальное единство прежнихъ временъ было разорвано въ самыхъ нѣдрахъ души государства. Представители государственной власти уже не являлись, не могли являться выразителями національной воли и мысли. Внутренній разладъ неизбежно обезсилеваетъ. Могущественная въ единеніи съ своимъ фанатическимъ народомъ Турція, нѣкогда покорившая весь югъ Европы, существуетъ только благодаря терпимости Европы. Ея государственный организмъ находится въ состояніи полнаго разложенія. Болѣе культурные элементы населенія, усвоившіе европейское образованіе, такъ-называемые младо-турки обезсилены своею рознью съ народомъ, а народъ обезсиленъ своимъ темнымъ невѣжествомъ и рознью съ интеллигенціею. На духовной розни не построишь государственнаго единства. Въ жизни націи нѣтъ тѣхъ нравственныхъ началъ, изъ которыхъ могла бы создаться твердая правительственная власть. Отсутствіе общаго связующаго начала и твердой духовной основы дѣлаетъ правительство растлѣннымъ, интеллигенцію—безнародной, народъ—безыдейнымъ, націю—безсильной и ничтожной. Даже опыты конституціонной реформы, произведенныя въ Турціи подъ давленіемъ европейскихъ державъ, не дали положительныхъ результатовъ именно потому, что не могъ создаться духовно-объединяющаго начала. Послѣ юмористической попытки турецкаго парламентаризма политическое разложеніе Турціи продолжается съ прежнею быстротою.

Приблизительно въ такомъ же положеніи находится и другая наша сосѣдка, Персія. То же безсиліе правительства, та же оскорбляющая національное чувство народа политическая и экономическая зависимость отъ Европы, то же взяточничество администраціи, то же вымалываніе денегъ подъ новые займы, тѣ же наконецъ интеллигентные младо-персы, столь же оторванные отъ своего народа, какъ младо-турки—отъ своего, и въ результатѣ—тотъ же опытъ конституціонныхъ реформъ. Разница только въ томъ, что здѣсь во главѣ революціоннаго движенія сумѣло стать духовенство, сильное довѣріемъ народа, а его участіе дѣлаетъ уже и самую революцію народной. Шахъ склонилъ голову предъ волею своего народа и назначилъ своимъ первымъ министромъ отпа посланника при нашемъ дворѣ, мушира Эдъ-Доуле, намѣревающагося «европеизировать» Персію. Всѣ общественныя движенія принимаютъ въ Персіи религіозный характеръ. Такъ, напримѣръ, персидскіе социалисты извѣстны подъ именемъ секты бабидовъ. Все это заставляетъ предполагать, что общественная жизнь свободной отъ правительственнаго гнета Персіи выйдетъ въ какія-то новыя формы, своеобразныя, какъ своеобразна сама страна.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разерочки, подписанная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го (отъ 9 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: „Маленькая“. Повѣсть И. Н. Потапенко. — Чудо. Стихотвореніе К. Чуковского. — Последняя снѣжка. Разсказъ Ф. О. Кюне. — И. А. Всеволодской. — Новый детальный приборъ Сантосъ-Дюмона. — Сердце война. — Передъ казнью. — Хожденіе въ народъ. — На Ближнемъ Востокѣ. (Политическое обозрѣніе). — Заявленіе. — Объявленіе.

РИСУНКИ: Впередъ. — Сердце война. — Передъ казнью. — Хожденіе въ народъ. — Снѣжки въ Коломнягахъ (4 рисунка). 1) На падкомъ. 2) У призовой вышки. 3) Послѣ снѣжки. 4) Послѣ победы, у вѣсовъ. — Сантосъ-Дюмонъ на своей новой детальной машинѣ. — Двигательный аппаратъ детальной машины на буксирѣ у ослика. — Медаль, выбитая въ честь И. А. Всеволодскаго. — Директоръ Императорскаго Эрмитажа И. А. Всеволодской.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 28.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Иамай. просп., № 29.

Изд. А. Ф. Маркса, СПб., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

